

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Димитриева О. А. «Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова : лингвистический аспект / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26.

Dimitrieva, O. A. (2023). “Bacchic” Face in A. P. Chekhov’s Prose: Linguistic Aspect. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-9-26

«Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова: лингвистический аспект

Димитриева Ольга Альбертовна
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского и чувашского языков
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева
(Чебоксары, Россия)

“Bacchic” Face in A. P. Chekhov’s Prose: Linguistic Aspect

Olga A. Dimitrieva
orcid.org/0000-0003-2734-640X
Researcher ID AAZ-3038-2020
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Chuvash Languages
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается индивидуально-авторская интерпретация слова *лицо* и частично его синонимического ряда в вакхическом контексте в творчестве А. П. Чехова. Материалом для исследования являются фрагменты из прозаических произведений писателя, представленных в Полном собрании сочинений, в которых наряду с описанием внешности персонажа содержится указание на ситуацию употребления спиртного. Актуальность данного исследования связывается с определением идиостилевых особенностей (индивидуальных и узуальных) в репрезентации ситуации винопития, а также с особенностями описания внешности вакхического человека. Выявлено, что в вакхическом контексте лексема «лицо» сопровождается оценочными характеристиками, вербализованными адективными словосочетаниями, в которых содержатся сведения как о форме, текстуре, цвете лица, так и о деятельности, времяпрепровождении субъекта ситуации. Показано, что лицо становится зеркалом образа жизни человека и может иметь артефактную интерпретацию, то есть приобретает те же свойства, что и одежда — становится «помятым», «истрепавшимся», «поношенным». Отмечается также, что сторонний наблюдатель способен считывать мысли и эмоции по выражению лица, а невозможность увидеть лицо является причиной страха.

Ключевые слова:

Антон Чехов; вакхическая лексика; идиостиль; индивидуально-авторский образ мира; культура винопития; ментальность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The individual-author's interpretation of the word *face* and partially its synonymous series in the Bacchic context in the works of A. P. Chekhov is studied. The material for the study is fragments from the prose works of the writer, presented in the Complete Works, which, along with a description of the character's appearance, contain an indication of the situation of drinking alcohol. The relevance of this study is associated with the definition of idio-style features (individual and usual) in the representation of the situation of drinking wine, as well as with the features of describing the appearance of a Bacchic person. It has been revealed that in the Bacchic context the lexeme "face" is accompanied by evaluative characteristics, verbalized adjectival phrases, which contain information about both the shape, texture, complexion, and about the activity, pastime of the subject of the situation. It is shown that the face becomes a mirror of a person's lifestyle and can have an artifactual interpretation, that is, it acquires the same properties as clothes — it becomes "rumpled", "tattered", "worn". It is also noted that an outside observer is able to read thoughts and emotions from facial expressions, and the inability to see a face is the cause of fear.

Key words:

Anton Chekhov; Bacchic vocabulary; idio-style; individual-author's worldview; culture of wine drinking; mentality.

«Вакхическое» лицо в прозе А. П. Чехова: лингвистический аспект

© Димитриева О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Как отмечает Ю. М. Лотман, на примере таких чисто физиологических процессов, как «сексуальное общение» или «воздействие алкоголя», «проявляется существенный закон: чем отдаленнее по своей природе та или иная область от сферы культуры, тем больше прикладывается усилий для того, чтобы ее в эту сферу ввести. Здесь можно было бы указать на обширность того пространства, которое отводится в культуре, даже в высшей ее области — поэзии, семиотике вина и любви. <...> человек не может воспринимать алкогольное воздействие в отрыве от его психо-культурного ареала» [Лотман, 2000, с. 117]. «Психо-культурный ареал» винопития, «семиотика вина» позволяют говорить о вакхическом коде культуры. Под «кодом культуры» мы будем понимать вслед за М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым «систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов»; «разными способами кодируемое ценностное содержание образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного народа, социума» [Ковшова и др., 2018, с. 40—41]. Добавим также, что ситуация винопития традиционно изучается в рамках кулинарного (гастрономического) кода, который в свою очередь является компонентом кодов, или культуры повседневности (см. [Коды ..., 2011; Мелешко и др., 2017]). В семантику культуры, по М. Л. Ковшовой, входят следующие составляющие: 1) утилитарная семантика, 2) функциональная семантика, 3) социально-иерархическая, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная семантика [Ковшова, 2015, с. 24]. Фарзад Шарифян (Farzad Sharifian) предлагает рассматривать концептуализацию культуры («cultural conceptualisations», или «culture-specific conceptualisations» [Pan, 2020]) в языке посредством таких понятий, как *культурная схема* “cultural schema”, *культурная категория* “cultural category” и *культурная метафора* “cultural metaphor” [Sharifian, 2017, p. 7]. «Cultural schemas (and subschemas) capture beliefs, norms, rules, and expectations of behaviour as well as values relating to various aspects and components of experience» [Там же]. (Культурные схемы (и подсхемы) отражают верования, нормы, правила и ожидания поведения, а также ценности, относящиеся к различным аспектам и компонентам опыта) (здесь и

далее перевод наш. — О. Д.). Культурные категории (cultural categories) — «<...> those culturally constructed conceptual categories (colours, emotions, attributes, foodstuffs, kinship terms, events, etc.) that are primarily reflected in the lexicon of human languages» [Там же] (<...> те культурно сконструированные концептуальные категории (цвета, эмоции, атрибуты, продукты питания, термины родства, события и т. д.), которые примарно / первично отражены в лексиконе человеческих языков). «Cultural metaphors are cross-domain conceptualisations grounded in cultural traditions such as folk medicine, worldview, or a spiritual belief system» [Там же]. (Культурные метафоры — междоменные концептуализации, основанные на культурных традициях, таких как народная медицина, мировоззрение или система духовных верований). Все эти три составляющие взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, З. Пан (Z. Pan), изучая концептуальные метафоры, связанные с пониманием коррупции, ее репрезентацией в медиадискурсе (на примере китайских СМИ на английском 2013—2018), приходит к выводу, что интерпретировать отношение к коррупции необходимо через культурную схему / cultural schema конфуцианства (подробнее см. [Pan, 2020]). Томас Полтон и Клер Хилл (Thomas Poulton, Clair Hill), опираясь на теорию культурных моделей (Cultural Model Theory), разрабатывают культурно обусловленные модели обоняния / ольфакции «cultural models of olfaction» в языках аборигенов Австралии. Авторы отмечают, что восприятие запахов и в целом «сенсорная культура и сенсорный язык» (sensory culture and sensory language) непосредственно связаны с общекультурными представлениями народов, обусловлены их картиной мира [Poulton et al., 2023].

Как мы уже ранее отмечали, в пространстве художественного текста в способах репрезентации бытовых деталей, в том числе и ситуации винопития, можно проследить не только авторские идиостилевые черты, обусловленные системой взглядов и мировоззрением писателя, его философией и жизненным опытом, но и универсальные, характерные, например, для европейского типа культуры, и национально-специфические, идиотнические черты [Димитриева, 2021] (или, в терминологии Н. С. Болотновой, в художественном концепте можно проследить «диалектику узуального и индивидуального» [Болотнова, 2005, с. 19]). Ценностная семантика культуры, ее аспекты (утилитарно-функциональный, социально-иерархический, духовно-эстетический) профилируются в той или иной степени в художественном мире одного автора (см. [Димитриева, 2022]). Одновременно превалирующий аксиологический аспект может свидетельствовать об общем литературном методе или о временном периоде, в рамках которого создано произведение.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Признаком особенного отношения к некоторому предмету или явлению, с одной стороны, является частота его употребления в тексте, с другой стороны, всевозможные варианты вербализации, фокусирование на том или ином аспекте, часто оценочного плана, что находит свое выражение в разных языковых средствах: фонетических, деривационных, морфологических, образных и др.

Как отмечается в «Частотном грамматико-семантическом словаре языка художественных произведений А. П. Чехова» (далее — ЧГСС), синонимический и модификационный ряд *лицо* в произведениях автора включает 19 единиц [ЧГСС, 2012, с. 536], в состав которых входит производное от слова *лицо* (данная лексема встречается в трех значениях 2622 раза в 401 тексте) [Там же, с. 166] — *личико* (33 раза в 14 текстах) [Там же, с. 166], дериваты от лексемы *морда* (88 словоупотреблений в 58 текстах) [Там же, с. 175] — *мордализация* (1 словоупотребление) (фонетический вариант *мордолизация* — 1 словоупотребление), *мордасы* (7 раз), *морденка* (2 раза), *мордочка* (8 раз) [Там же, с. 175]; от слова *рожа* (79 словоупотреблений в 53 текстах) [Там же, с. 215] — *рожество* (1 словоупотребление), *рожица* (12 раз в 9 текстах) [Там же, с. 215], ряд производных от *физиономия* (156 раз в 89 текстах [Там же, с. 244]), такие как контаминация слов *физиономия* и *морда* — *физиомордия* (4 раза в 4 текстах), усечение основы — *физия* (8 раз в 6 текстах), фонетический вариант — *физиогномия* (3 раза) [Там же, с. 244] (по данным этимологического словаря, слово связано с латинским *physiognomonie*, усвоенным из греческого языка путем сложения основ «знаток природы», где первая часть также означает «наружный вид, внешность») [Черных, 1999, с. 310—311], а также лексемы *мурло* (2 раза) [ЧГСС, 2012, с. 176], *образина* (10 словоупотреблений в 9 текстах) [Там же, с. 183], *рыло* (22 раза в 18 текстах) [Там же, с. 217], выражение *рыльце в пушку* (1 раз), *харя* (24 раза в 17 текстах) [Там же, с. 246] и *хрюкало* (1 раз в названии газеты «Хрюкало (Делец)» [Там же, с. 248]). Следует отметить, что в этот список не включена лексема *лик*, которая, по данным ЧГСС, встречается 6 раз в 6 прозаических текстах [Там же, с. 166]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что тематический ряд *лицо* является значимым в произведениях А. П. Чехова, индивидуально маркированным, «идиоглоссовым».

Слова *лик*, *лицо*, *личико* являются идиоглоссами в произведениях Ф. М. Достоевского, они подробно описываются в «Словаре языка Достоевского» [Словарь ..., 2012]. Так, слово *лицо* имеет в нем четыре основных значения: 1) «передняя, главная для узнавания человека часть головы», 2) «выражение каких-л. эмоций, мимика», 3) «отдельный человек, отлича-

ющийся от других, особа; персоне», 4) грамматическая категория [Там же, с. 460—461], что в основном совпадает с дефиницией, предложенной Малым академическим словарем, за исключением второго лексико-семантического варианта: «индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л.» [СлРЯ, т. 2, с. 191—192]. По данным ЧГСС, в произведениях А. П. Чехова *лицо* имеет два основных значения, совпадающих с первым и третьим из приведенных в Словаре Достоевского [ЧГСС, 2012, с. 166].

По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в подкорпусе «Ф. М. Достоевский» лексема *лицо* представлена 2369 примерами в 36 текстах, что составляет 0,12 % по отношению ко всему объему выбранного подкорпуса, равному 1 980 407 словам (отметим, что, если сравнивать с корпусными данными по А. П. Чехову, лексема *лицо* составляет 0,14 %, что на сотые доли больше). «Палитра» слов ряда *лицо* довольно разнообразна и представлена следующими лексемами: *лик* — 36 примерами в 7 текстах, *морда* — 12/8 соответственно, *мордасы* — 16/2, *физиономия* — 75/20, *физия* — 1/1, *харя* (14/8), *рыло* — 5/5, *рыльце* — 1/1 (о кошке), *рожа* — 34/10. Но, как видно из примеров, в качественном составе авторы имеют некоторые значимые различия (10 единиц в тематическом ряду).

Для сравнения приведем также данные по подкорпусу «Л. Н. Толстой»: *лицо* (3235 примеров — 0,16 %), *лик* (7 примеров / в 4 текстах), *морда* (13/7 соответственно), *мордасы* (0), *физиономия* (22/11), *физиогномия* (1/1 — нравственная), *рыло* (2/2), *рыльце* (0), *рожа* (14/11), *рожища* (3/3), *физия* (0), *харя* (0). Несмотря на то что процентная доля лексемы *лицо* превышает соотношение, выявленное в произведениях Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, синонимический и деривационный ряд представлен 8 единицами.

М. Ю. Мухин, Е. Р. Филатова, описывая лексическую сочетаемость слов со значением «Части тела» на примере прозы писателей второй половины XIX века, таких как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и А. П. Чехов, отмечают, что «в группе перечисленных писателей-классиков именно у А. П. Чехова наиболее очевидно реализованы оригинальные синтагматические связи слов, обозначающих части тела» [Мухин и др., 2021, с. 52], а также подчеркивают «наиболее значимое и оригинальное выражение психологического состояния через внешность героев, свойственное именно идиостилю А. П. Чехова» [Там же, с. 54].

Предметом данного исследования являются способы детализации лица персонажа в контексте, связанном с употреблением спиртного, так называемом «вакхическом» контексте. Рассмотрим, во-первых, контексты, в которых лексема *лицо* сочетается с вакхической лексикой эксплицитно (*полупьяное лицо*; *пьяная рожа*), во-вторых, те, в которых косвенно указывается на лицо и нет прямого указания на эту часть тела: в высказыва-

нии типа *он побледнел* нет слова, номинирующего *лицо*, но это является импликацией глагола *побледнеть*; в-третьих, синонимический ряд *лица*, представленный в вакхическом контексте. Материалом для исследования послужила выборка примеров, извлеченных из рассказов и повестей, представленных в Полном собрании сочинений А. П. Чехова [Чехов, 1974—1982]. В выбранных фрагментах наряду с описанием внешности персонажа содержится указание на ситуацию употребления спиртного. Основным методом исследования является метод контекстуального и семантического анализа фрагментов художественного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лицо как зеркало образа жизни человека

При описании внешности персонажа А. П. Чехов использует многочисленные прилагательные и причастия общеоценочной и частнооценочной семантики, такие как сенсорные, рациональные, утилитарные, эстетические оценки и др. (см. классификацию типов оценки в [Арутюнова, 1988, с. 75—76]). В мире А. П. Чехова лицо персонажа является не только средством отражения эмоций через мимику, оно становится также маркером образа жизни человека, его времяпрепровождения. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Голос у сангвиника приятный, сочный, глаза умные, насмешливые, лицо благодущное, несколько помятое от частого употребления пива и долгого лежания на диване; по-видимому, он мог бы рассказать мне много интересного про оперу, про свои любовные похождения, про товарищей, которых он любит, но, к сожалению, говорить об этом не принято* (Скучная история: Из записок старого человека) [Чехов, т. 7, с. 266];

(2) *Через минуту в комнатку тихо вошел седой, плешивый старик в рыжем, потертом пальто, с красным, помороженным лицом и с выражением слабости и неуверенности, какое обыкновенно бывает у людей, хотя и мало, но постоянно пьющих* (Писатель) [Чехов, т. 4, с. 209];

(3) *Сам он [Анисим] имел неинтересную, незаметную наружность; при слабом, нездоровом сложении и при небольшом росте у него были полные, пухлые щеки, точно он надувал их; глаза не мигали, и взгляд был острый, борода рыжая, жидкая, и, задумавшись, он всё совал ее в рот и кусал; и к тому же он часто выпивал, и это было заметно по его лицу и походке* (В овраге) [Чехов, т. 10, с. 149];

(4) *Придя в трактир, Градусов и Калякин нашли в нем целое сборище. <...> Между писарями сидел и сам Деревяшкин, малый неопределенного возраста, бритый, с большими неморгающими глазами, придавленным носом и такими жесткими волосами, что, при взгляде на них, являлось*

желание чистить сапоги... Его лицо было так счастливо устроено, что, раз взглянувши на него, можно было узнать все: что он и пьяница, и поет басом, и глуп, но не настолько, чтоб не считать себя очень умным человеком (Из огня да в полымя) [Чехов, т. 3, с. 58].

Во всех четырех приведенных фрагментах в описание внешности героя включаются слова, в которых указывается на способ времяпрепровождения и его частоту, что эксплицируется на лице субъекта описания: прилагательное в сочетании с отглагольным абстрактным существительным на *-ениј* — *частое употребление* (1), наречие меры и образа действия (с указанием на периодичность) — *мало, но постоянно пьющих* (2), фреквентативное наречие в сочетании с глаголом несовершенного вида, употребляемом в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, *часто выпивал* (3), а также существительное *пьяница* (4), значение которого предполагает пристрастие к спиртному и соответствующий образ жизни.

Частнооценочные предикаты, по замечанию Н. Д. Арутюновой, легко образуют разные виды конъюнкции, их «синтаксический “пафос” <...> предопределен <...> аксиологической многогранностью и противоречивостью объекта» [Арутюнова, 1988, с. 96]. Такая «многогранность и противоречивость объекта» описания отражаются и в данных примерах. В первом фрагменте содержится общеоценочное прилагательное *благoduшный*, характеризующее выражение лица. Это слово попадает в однородный ряд с причастием *помятый*, выражающим негативную семантику, что требует дополнительного, объяснительного, каузального контекста, вербализованного словосочетаниями в родительном причины с предлогом *от* (*от частого употребления и долгого лежания*). Следует также отметить, что в данном высказывании конкретизируется пристрастие к определенному сорту спиртного — к *пиву*, каузирующему обозначенную характеристику лица.

Во втором фрагменте однородные отношения (бессоюзные и сочинительные с соединительным союзом *и*) включают качества и свойства субъекта одного аксиологического знака: *плешиный старик, потертое пальто, замороженное лицо* — содержат негативные коннотации. Кроме того, отмечаются черты характера, обусловленные постоянным поведением героя, — его пьянством, такие как *слабость и неуверенность*, причем говорящий соотносит конкретного субъекта с генерализованным, вневременным, которому присущи подобные качества (*какое обыкновенно бывает у людей*).

Отрицательные оценки всегда требуют объяснения, то есть «обладают сильным валентностным потенциалом» [Арутюнова, 1988, с. 96]. Третий пример, вводящий общую отрицательную оценку, — *имел неинтересную, незаметную наружность*, включает ее подробное пояснение, детальное описание внешности — негативно маркированные атрибуты *слабое, нездоровое*

сложение; жидкая борода; небольшой рост; пухлые щеки; глаза не мигали (пример 4) также указывает в ряду отрицательных свойств персонажа *неморгающие глаза*; *борода жидкая*. Закрывающий описание героя союз *к тому же*, несущий, с одной стороны, добавочную информацию, подводит своего рода итог всей предыдущей отрицательной оценке, внося, с другой стороны, важные, с точки зрения говорящего, сведения — *часто выпивал*, что подтверждается внешне: *это было заметно по его лицу и походке*.

В четвертом примере наряду с описанием внешности Деревяшкина (*неопределенного возраста, неморгающие глаза, придавленный нос, жесткие волосы*) представлены разнопорядковые его качества: образ жизни (*пьяница*), голос (*поет басом*), интеллектуальные особенности (*глуп* — оценка стороннего наблюдателя, *очень умный человек* — самооценка героя).

Как показывают приведенные примеры, *лицо*, по А. П. Чехову, является экспликаторм образа жизни человека. Всезнающий сторонний наблюдатель (рассказчик) проявляется в следующих предикатах со значением прямого визуального восприятия: *по-видимому* (пример 1), *было заметно* (пример 3), *раз взглянувши на него* (пример 4), а также в ментальном классифицировании описываемого героя, его сравнении с классом типичных представителей (пример 2) — *какое обыкновенно бывает*. Отношение героя к спиртному отражается печатью на лице, вводится в однородный ряд с описанием внешности и, как правило, характеризуется отрицательно и непосредственно связывается с выражением лица и приобретаемыми качествами характера (*слабость и неуверенность*) или физическими отклонениями (*в походке*).

Лексема *лицо*, «погруженная» в вакхический контекст, может репрезентировать не только постоянный образ жизни и быть свидетельством внутренних изменений, но и выражать состояние временное: *Первый* [N-ский купец Иван Иванович Кузьмичов] *о чем-то сосредоточенно думал и встряхивал головою, чтобы прогнать дремоту; на лице его привычная деловая сухость боролась с благодушием человека, только что простившегося с родней и хорошо выпившего; второй* [отец Христофор Сирийский] *же влажными глазками удивленно глядел на мир божий и улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имело озябший вид.* <...> *Прощаясь с домочадцами, они только что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили...* (Степь: История одной поездки) [Чехов, т. 7, с. 13]. В описании купца использован прием «забегания вперед»: толкование мимического выражения лица *привычная сухость боролась с благодушием* и указание на ряд действий обобщенного субъекта, способных вызвать описываемое состояние *благодушия*. Заданные характеристики требуют дальнейшей ретроспективной конкретизации: *прощаясь с домочадцами; сытно закусили;*

выпили. Уступительный оборот с производным предлогом *несмотря на* соотносит текущую ситуацию с идеальной, в которой раннее по времени употребление спиртного нежелательно (размышления о приемлемом времени питания см. [Левонтина и др., 2002]).

Словам синонимического ряда «лицо», таким как *рожа* (просторечное [СлРЯ, т. 3, с. 725—726]), *физиономия*, свойствен разговорный регистр речи, эти слова часто имеют негативную окраску. В окружении вакхической лексики данные лексемы репрезентируют непостоянные характеристики внешности. В некоторых случаях, например, слово *рожа* употребляется не столько для описания внешности героя, сколько для выражения своего субъективного отрицательного отношения к человеку. Приведем примеры: — *Не понимаю, как это можно не узнать своей собственной дачи, — возмущается Лаев. — Пьяная рожка...* (Заблудшие) [Чехов, т. 4, с. 77]; *Поручик, отуманенный вином, почти не замечал его [писаря]. Раз только, увидев в тумане его пьяную физиономию, он нахмурил брови и сказал <...> (Ворона)* [Чехов, т. 3, с. 434].

Иногда говорящий является свидетелем изменений, произошедших с человеком, о которых он узнает прежде всего по его внешности: *Из когда-то стройного, ловкого стряпчего с подвижной, нахальной, вечно пьяной физиономией Шапкин превратился в скромного, седовласого, хилого старца* (Старость) [Чехов, т. 4, с. 225]. В приведенном фрагменте мимика Шапкина (*с подвижной*), его выражение лица (*нахальной*), образ жизни (*вечно пьяной физиономией*), извлеченные из памяти архитектора Узелкова и относящиеся к воспоминаниям восемнадцатилетней давности, сравниваются с «новым» внешним видом представленного нотариуса: прилагательное оценки общего впечатления *скромный*, сенсорной (визуальной) оценки *седовласый*, физического состояния *хилый* в сочетании с существительным, в данном контексте иронически номинирующим субъекта, — *старец* (ср. со словарной дефиницией: 1. *старик*, 2. *пожилой монах, отшельник* [СлРЯ, т. 4, с. 249]) — создают совершенно иной облик.

Таким образом, вакхическое окружение лексемы *лицо*, в том числе и ее синонимического ряда, фокусирует внимание как на временных чертах лица, его выражении, мимике, так и на постоянных, способных эксплицитировать личностные качества человека и являющихся своего рода печатью на лице персонажа.

3.2. Характеристики лица

Н. В. Халикова выделяет «минимальные единицы смысловой организации текста, позволяющие представить любой значимый для литературы фрагмент действительности (пейзаж, встреча, действие, диалог) в такой языковой форме, которую можно назвать наиболее типичной в процессе

коммуникации: “солнце светит”, “дождь идет”, “птицы поют”» [Халикова, 2019, с. 272]. Такие минимальные единицы называются «образные константы текста»; «вокруг перцептивной формы образной константы формируются образно-символические значения» [Там же]. При описании внешности пьяного человека, по нашему мнению, такими «образными константами» являются «цвет» и «кожа лица», «глаза», «нос», «внешний вид одежды». В рассказах А. П. Чехова лицо пьяного человека получает следующие характеристики: цвет «красный» / «бледный» (*красное / краснотенное лицо; красные глаза (налитые кровью глаза)*); текстура лица (*обрызглое, опухшее, брыластое, жирное*); появление пота (*потное*). Говоря о художественном мире А. П. Чехова, его представлении об идеальном человеке, мы часто вспоминаем ставшую крылатой фразу Астрова из драмы «Дядя Ваня»: *В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* [Чехов, т. 13, с. 83]. Первые две составляющие — *лицо, одежда* — при описании внешности героев, в частности употребляющих спиртное, часто соседствуют. Приведем следующие примеры:

(1) *К агенту общества пароходства «Щелкопер», сидящему на берегу у самой воды и ожидающему грузоотправителя, подходит приземистая фигура, с **страшно испитым, опухшим лицом**, в рваном пиджаке и латаных полосатых брюках. На голове ее полинявшая фуражка с полупившимся козырьком и с пятном, оставшимся от когда-то бывшей кокарды... Галстук сполз с воротничка и ерзает по шее...* (Утопленник: Сценка) [Чехов, т. 4, с. 103];

(2) *Управляющий «Зверинца братьев Пихнау», отставной португальский Егор Сюсин, здоровеннейший парень с **обрызглым, испитым** лицом, в грязной сорочке и в засаленном фраке, уже **пьян** (Циник)* [Чехов, т. 4, с. 167].

В некоторых случаях автор прямо не указывает на образ жизни человека, но по описанию внешности становится ясным его отношение к спиртному. В данных примерах общей внешней оценке (*приземистая фигура; здоровеннейший парень*) сопутствует описание лица (*испитое, опухшее / обрызглое*) и одежды, которая, как правило, характеризуется отсутствием чистоты, опрятности (*грязная сорочка, засаленный фрак*), целостности (*рваный пиджак, латаные брюки, полупившийся козырек*), привычного расположения (*галстук сполз, пятно вместо кокарды*). Таким образом, лицо и одежда становятся необходимыми компонентами описания внешности и маркерами образа жизни.

3.3. Старение, дряхлость и истощение как маркеры лица вакхического человека

Лицо, являясь зеркалом образа жизни, одновременно уподобляется некоему артефакту, предмету одежды, который изменяется сообразно его упо-

треблению. Лексемы *истрепавшийся, поношенный, помятый, изношенный*, употребляемые при описании лица пьющего человека в произведениях А. П. Чехова, в своем прямом значении связаны с обращением с предметами одежды и в словарных дефинициях содержат такие семы, как темпоральная 'долго', каузальные 'но́ска / употребление', 'небрежное отношение', семы со значением модификации, приобретения нового состояния / качества 'стать потертым, ветхим', 'прийти в ветхость, негодность'. Первые три слова имеют переносное значение, зафиксированное в словаре: *истрепавшийся* и *помятый* связываются со степенью усталости (первое — с изнурением, второе — с утомлением, бессонницей), *поношенный* с неизменяемой характеристикой — «носящий следы увядания, преждевременной старости» [СлРЯ, т. 3, с. 289]. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Я поглядел на больное, истрепавшееся лицо графа, на рюмку, на лакея в желтых башмаках, поглядел я на чернобрового поляка, который с первого же раза показался мне почему-то негодяем и мошенником, на одноглазого вытянувшегося мужика, — и мне стало жутко, душно...* (Драма на охоте) [Чехов, т. 3, с. 258];

(2) *В углу на табурете сидел Урбенин. Он до того изменился, что я едва узнал его. Безделье и пьянство последнего времени сильно сказывались как на его платье, так и на наружности: платье было изношено, лицо тоже* (Там же) [Чехов, т. 3, с. 375];

(3) *Я гляжу на Рублева... Лицо у него испитое и поношенное, но во всей его внешности уцелело еще столько порядочности, барской изнеженности и приличия, что это грубое «дали в шею» совсем не вяжется с его интеллигентной фигурой* (Тапер) [Чехов, т. 4, с. 205].

Перцепция рассказчика, его оценка черт лица обнаруживается с помощью предикатов визуального восприятия: *я поглядел* (1), *я едва узнал его* (2), *я гляжу* (3). В первом фрагменте образ жизни графа, его склонность к чрезмерному употреблению спиртного отразились на его лице (*больное, истрепавшееся лицо*). С точки зрения рассказчика-участника происходящих событий, весь перечисленный им ряд участников событий, среди которых перемешаны люди, выделяемые по особенной черте во внешности и социальному статусу (*лицо графа, лакей в желтых башмаках, чернобровый поляк, одноглазый вытянувшийся мужик*), и такой предмет ситуации винопития, как рюмка, — участвуют в создании эмоционального состояния нарратора, воспринимаются им в негативном ключе: *мне стало жутко, душно*.

Во втором отрывке праздность и употребление спиртного становятся каузаторами изменений во внешнем виде героя. При описании Урбенина используется зевгма — прием языковой игры, при котором, например,

в сочинительный ряд попадают разнородные по своей семантике слова — *платье, лицо* (подробнее о языковой игре см. [Ружицкий, 2014]).

В третьем отрывке отрицательная оценка, эксплицированная в описании внешности Рублева, его лица (*испитое и поношенное*), меняет свой аксиологический ракурс на противоположный с помощью союза «но противоположной оценки», по В. З. Санникову (цит. по [Милованова, 2015, с. 47]), вводятся качества положительной оценки — *порядочность, барская изнеженность и приличие*.

Как показывают приведенные фрагменты, в характеристику внешне-сти вакхического человека часто входит лексема *испитой*, которая в словаре имеет следующее дефиницию: «*Разг. Изможденный, истощенный, изнуренный*» [СлРЯ, т. 1, с. 682]. В определении не эксплицирована связь между значением и внутренней формой слова (от глагола (*ис*)*пить*). Но если обратиться к параллельному корпусу НКРЯ (например, к подкорпусу английского языка), можно заметить, что, помимо не относящихся напрямую к винопитию и совпадающих с приведенным выше значением лексем типа *haggard* (измученный, осунувшийся), *sallow* (желтоватый, болезненный), *wasted* (истощенный, исхудавший), слово *испитой* часто связывается с употреблением спиртного и дается в переводах как *drunkard's face* (досл. лицо пьяницы), *drinking face* (досл. пьющее лицо), *drink-sodden* (досл. питьем пропитанный), *besotted* (опьяненный), *drink-ravaged face* (досл. изуродованное выпивкой лицо) и т. д. [НКРЯ]. Обратимся также к словарю А. Д. Михельсона, в котором приводится толкование слова, связывающее его с ситуацией употребления спиртного: «(иноск.) — истощенный, изнуренный, исхудалый (как бы носящий следы пьянства)» [Михельсон, 2008]. Таким образом, в русском языке данное слово имеет два значения: первое — связанное с винопитием, имеющее отношение к характеристике лица пьющего человека, второе — не соотносится с пьянством, лишь с болезненным внешним видом.

Таким образом, лицо в контексте может иметь «артефактную» интерпретацию, приобретает свойства одежды: после «нóски» и неправильной «эксплуатации» может приходиться в негодность, ветхость и начинает стареть.

3.4. Предикаты стороннего наблюдателя

Как уже отмечалось выше, описание персонажа часто приводится извне, под углом зрения стороннего наблюдателя, который может быть непосредственным участником событий и / или рассказчиком и одновременно интерпретатором отраженных на лице «знаков». Предикаты, эксплицирующие нарратора в текстах А. П. Чехова и касающиеся описаний лица, это, как правило, следующие языковые единицы: (*не*) *видно, написано, прочесть, иметь / у него (нее) выражение: Около самых ворот склада, видит он* [Очу-

мелов], *стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужю я сорву с тебя, шельма!»* да и самый палец имеет вид знамени победы (Хамелеон) [Чехов, т. 3, с. 52]. В данном фрагменте использование прямой речи (дословной передачи чужого высказывания с просторечным *ужю* и обращением *шельма*), во-первых, рисует облик героя и воспроизводит его предполагаемую речевую манеру, во-вторых, свидетельствует об осведомленности рассказчика, его проницательности.

Безотносительно к ситуации винопития рассказчик А. П. Чехова умеет «считывать» с лица то, что на нем «написано», причем инфинитив сопровождается модально-характеризующей связкой *стараться*: *прочесть тайные мысли* (Моя жизнь); *прочесть что-нибудь на ее холодном, равнодушном лице* (Страх); *я не прочел на его лице правды* (Скучная история); *прочесть на лице магистра восторг* (Свистуны); *на многочисленных лицах <...> даже идиот мог бы прочесть сожаление* (Драма на охоте); *на лице ее я прочел желание поделиться <...> своим внезапно набежавшим на нее счастьем* (Там же) и т. д. [НКРЯ].

Интересно, что невозможность разглядеть лицо, его выражение становится причиной появления страха: — *Ма-арья! — раздался крик у самой двери. <...> Послышался пьяный кашель, и в избу вошел высокий чернобородый мужик в зимней шапке и оттого, что при тусклом свете лампы не было видно его лица, — страшный. Это был Кирьяк* (Мужики) [Чехов, т. 9, с. 284—285].

Рассмотрим в качестве иллюстрации еще один пример: *Около нашего вагона, облокотившись о загородку площадки, стоял кондуктор и глядел в ту сторону, где стояла красавица, и его испитое, обрюзглое, неприятно сытое, утомленное бессонными ночами и вагонной качкой лицо выражало* умиление и глубочайшую грусть, как будто в девушке он видел свою молодость, счастье, свою трезвость, чистоту, жену, детей, как будто он каялся и чувствовал всем своим существом, что девушка эта не его и что до обыкновенного человеческого, пассажирского счастья ему с его преждевременной старостью, неуклюжестью и *жирным лицом* так же далеко, как до неба (Красавицы) [Чехов, т. 7, с. 166].

В приведенном отрывке противопоставлен мир реальный, отраженный на лице кондуктора, миру идеальному, эталонному, вызванному появлением красивой девушки. Распространенное, детальное описание лица кондуктора, включающее образ жизни (*испитое; утомленное бессонными ночами и вагонной качкой*), текстуру кожи лица (*обрюзглое / жирное лицо*), отсутствие проявляемого к чему-либо интереса (*неприятно сытое*), является константой. Временной характеристикой лица становится его мими-

ка, выражение — *умиление и глубочайшая грусть*. Постоянное и действительное сопоставляется с идеальным «возможным миром», в котором «*молодость, счастье, своя трезвость, чистота, жена, дети*». Завершающий вывод о невозможности для данного героя «человеческого, пассажирского счастья» в ряду компонентов общего внешнего впечатления (преждевременная старость, неуклюжесть) вновь указывает на его лицо — *жирное*. Для наблюдателя нет необходимости рассказывать историю жизни кондуктора, она для него написана на лице героя.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, синонимический и модификационный ряд *лицо* в прозе А. П. Чехова представлен довольно большим количеством единиц. Кроме того, лексема *лицо* сопровождается оценочными характеристиками, вербализованными адъективными словосочетаниями, содержащими информацию как о форме, цвете, так и о деятельности, времяпрепровождении субъекта ситуации. Описание лица в вакхическом контексте обрастает дополнительными особенностями и коннотациями:

1. Образ жизни, способ времяпрепровождения часто в произведениях А. П. Чехова отражаются на лице персонажа как постоянные черты, константы: лицо приобретает артефактную интерпретацию, те же свойства, что и одежда — становится *помятым, истрепавшимся, поношенным*.

2. Сторонний наблюдатель, нарратор, считывает с лица выражаемые эмоции, мысли, истинное положение дел, что вербализуется с помощью предикатов *написано, видно, иметь выражение* и т. п.; возможно включение «гипотетической» прямой речи, объясняющей выражение лица. Невозможность увидеть лицо может стать причиной страха.

3. Измененное лицо и неаккуратность, неопрятность в одежде, по А. П. Чехову, становятся маркерами человека вакхического. Прилагательное *иститой* является характеристикой лица пьющего человека.

4. Мир реальности (или «нормативная повседневность» Чехова, как называет этот мир Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988, с. 314]) противопоставляется миру идеальному, «возможному миру», но для героя часто недостижимому. И в этой ситуации таким подтверждающим знаком становится описание лица: «неприятно сытое», «жирное», «обрюзглое», «брыластое» лицо действительного мира свидетельствует о том образе жизни, о котором герой Чехова не мечтал и который не является его идеалом, образчиком чистоты.

Источники и принятые сокращения

1. Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2018. — 192 с.

2. Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона [Электронный ресурс] / А. Д. Михельсон. — Москва : СиЭТС : Бука, 2008. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2023).
4. СлРЯ — Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Полиграфресурсы, 1999.
5. Словарь языка Достоевского : идиоглоссарий. И—М / главный редактор Ю. Н. Караулов. — Москва : Азбуковник, 2012. — 855 с.
6. ЧГСС — Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Л. В. Лапонина, Д. Ю. Рюдигер. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 571 с.
7. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1999. — Том 2 : Панцирь—Яшур. — 560 с.
8. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах : сочинения : в 18 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1974—1982.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7.
2. Болотнова Н. С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. — 2005. — № 3 (47). — С. 18—24.
3. Димитриева О. А. Аксиологический аспект ситуации винопития в произведениях Александра Грина / О. А. Димитриева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. — 2022. — № 1 (37). — С. 102—116.
4. Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 80—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.
5. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке : костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с. — ISBN 978-5-94244-053-4.
6. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-91419-405-2.
7. Левонтина И. Б. Лексика начала и конца трапезы в русском языке / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка : семантика начала и конца. — Москва : Индрик, 2002. — С. 573—583. — ISBN 5-85759-191-0.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с. — ISBN 5-210-01488-6.
9. Мелешко Е. Д. Феномен еды как культурный код / Е. Д. Мелешко, Л. Н. Набилкина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. — 2017. — № 4 (24). — С. 26—31.
10. Милованова М. С. Сложная семантика простых союзов / М. С. Милованова // Русский язык в школе. — 2015. — № 12. — С. 46—52.
11. Мухин М. Ю. Психолингвистические «частности» лексической сочетаемости в русской прозе XIX века / М. Ю. Мухин, Е. Р. Филатова // Уральский филологический

вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2021. — № 2. — С. 49—56. — DOI: 10.26170/23067462_2021_02_04.

12. Ружицкий И. В. Языковая игра у Ф. М. Достоевского / И. В. Ружицкий // Русская речь. — 2014. — № 4. — С. 15—22.

13. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте / Н. В. Халикова // Русистика и компаративистика : сборник. — Москва : Книгодел, 2019. — С. 268—280. — DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.17.

14. Pan Z. Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English / Z. Pan // Lingua. — 2020. — Vol. 245, Article 102948. — DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102948.

15. Poulton T. Linguistic descriptions and cultural models of olfaction in Umpila and English / T. Poulton, C. Hill // Language Sciences. — 2023. — Vol. 96, Article 101533. — DOI: 10.1016/j.langsci.2022.101533.

16. Sharifian F. Cultural Linguistics. Cultural conceptualisation and language / F. Sharifian. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. — 171 p. — DOI: 10.1075/clsc.8.

Material resources

Chekhov, A. P. (1974—1982). *Complete works and letters*, 30. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Chernykh, P. Ya. (1999). *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language*, 2/2: *Shell - foot-and-mouth disease*. Moscow: Russian language. 560 p. (In Russ.).

ChGSS — Kukushkina, O. V., Surovtseva, E. V., Laponina, L. V., Rüdiger, D. Yu. (2012). *Frequency Grammar-Semantic Dictionary of the Language of A. P. Chekhov's Artistic Works with an Electronic Application*. Moscow: MAKS Press. 571 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (ed.). (2012). *Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary. I—M*. Moscow: Azbukovnik. 855 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018) *Dictionary of linguoculturological terms*. Moscow: Gnosis. 192 p. (In Russ.).

Mikhelson A. D. (2008). *Mikhelson's Big Explanatory Phraseological Dictionary of the Russian Language*. Moscow: SiETS: Buka. (CD-ROM). (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 10.01.2023). (In Russ.).

SIRYa — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*, 4. Moscow: Polygraph resources. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: assessment, event, fact*. Moscow: Nauka. 341 p. ISBN 5-02-010870-7. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (2005). Lexical means of representation of artistic concepts in a poetic text. *Bulletin of TSPU*, 3 (47): 18—24. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2021). Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin. *Nauchnyi dialog*, 4: 80—96. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96. (In Russ.).

Dimitrieva, O. A. (2022). Axiological aspect of the situation of wine drinking in the works of Alexander Grin. *Scholars of the National Society for Applied Linguistics*, 1 (37): 102—116. (In Russ.).

Khalikova, N. V. (2019). Verbal image as a structural unit in a literary text. In: *Russian Studies and Comparative Studies: Collection*. Moscow: Knigodel. 268—280. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.17. (In Russ.).

- Kovshova, M. L. (2015). *The semantics of the headdress in culture and language: the costume code of culture*. Moscow: Gnosis. 368 p. ISBN 978-5-94244-053-4. (In Russ.).
- Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2002). Vocabulary of the beginning and end of a meal in Russian. In: *Logical analysis of language: semantics of the beginning and end*. Moscow: Indrik. 573—583. ISBN 5-85759-191-0. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB. 704 p. ISBN 5-210-01488-6. (In Russ.).
- Meleshko, E. D., Nabilkina, L. N. (2017). The phenomenon of food as a cultural code. *Humanitarian statements TSPU them. L. N. Tolstoy*, 4 (24): 26—31. (In Russ.).
- Milovanova, M. S. (2015). Complex semantics of simple conjunctions. *Russian language at school*, 12: 46—52. (In Russ.).
- Mukhin, M. Yu., Filatova, E. R. (2021). Psycholinguistic “particulars” of lexical compatibility in Russian prose of the 19th century. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2: 49—56. DOI: 10.26170/23067462_2021_02_04. (In Russ.).
- Pan, Z. (2020). Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English. *Lingua*, 245, Article 102948. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.102948.
- Poulton, T., Hill, C. (2023). Linguistic descriptions and cultural models of olfaction in Umpila and English. *Language Sciences*, 96, Article 101533. DOI: 10.1016/j.langsci.2022.101533.
- Ruzhitsky, I. V. (2014). Language game by F. M. Dostoevsky. *Russian speech*, 4: 15—22. (In Russ.).
- Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics. Cultural conceptualisation and language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 171 p. DOI: 10.1075/clsc.8.
- Zlydneva, N. V. (2011). *Codes of everyday life in Slavic culture: food and clothing*. St. Petersburg: Aleteyya. 560 p. ISBN 978-5-91419-405-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.12.2022,
одобрена после рецензирования 16.01.2023,
подготовлена к публикации 28.01.2023.